

МАРГАРИТА

Фуаро

РАЗВОД С ВАМПИРОМ

ЕГО НАСЛЕДНИК
ВЫБРАЛ МЕНЯ

Маргарита Фуаро

**Развод с вампиром. Его
наследник выбрал меня**

«Литнет»

2026

Фуаро М.

Развод с вампиром. Его наследник выбрал меня / М. Фуаро —
«Литнет», 2026

ФИНАЛ 20 ИЮНЯПРОДОЛЖЕНИЯ КАЖДЫЙ ДЕНЬ - С этой минуты ты больше не моя жена, Элиана.Князь вампиров произнёс это перед всем Советом. Холодно. Равнодушно. Так, будто не ломал мне жизнь, а подписывал обычный приказ.Я очнулась в теле женщины, которую здесь ненавидят. Меня обвиняют в предательстве, покушении на наследника и измене крови. Мой муж требует развода, его новая невеста улыбается, а весь Алый Дом ждёт, когда меня лишат имени, защиты и права жить.Но есть одна проблема.Маленький наследник князя вдруг бросается ко мне, вцепляется в мою руку и шепчет:- Я пойду с мамой.Мамой?Я не знаю этого мира. Не знаю своего бывшего мужа. Не знаю, почему прежнюю Элиану считали чудовищем.Но я врач. И я вижу: мальчика не прокляли. Его медленно убивают.Теперь Совет хочет избавиться от меня. Новая невеста князя хочет забрать ребёнка. А сам вампир требует вернуть ему сына.Только поздно.Его наследник уже выбрал меня.И я не отдам его никому. Даже собственному бывшему мужу.

Содержание

Глава 1. Развод с вампиром	5
Глава 2. Ребёнок, которого я не знаю	11
Глава 3. Милость князя	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава 1. Развод с вампиром

— Элиана Морвейн, вы обвиняетесь в измене крови, покушении на наследника Алого Дома и нарушении брачной клятвы.

Голос прозвучал так близко, что я вздрогнула.

А потом поняла: я стою.

Не лежу в ординаторской, уткнувшись щекой в холодный стол после тридцатичасовой смены. Не слышу писк мониторов, не чувствую запах антисептика, кофе и больничной усталости.

Я стою посреди огромного зала.

Под ногами — чёрный мрамор с алыми прожилками, похожими на застывшие реки крови. Вдоль стен горят высокие свечи. Их пламя не жёлтое, а багровое, будто кто-то подмешал в огонь вино.

И люди...

Нет.

Не люди.

Слишком бледные лица. Слишком неподвижные фигуры. Слишком внимательные глаза, в которых время от времени вспыхивал алый отблеск.

Я попыталась вдохнуть глубже, но грудь стянуло тугим корсетом.

Корсетом?

Опустила взгляд и увидела на себе тёмное платье. Дорогое, тяжёлое, с длинными рукавами и высоким воротом. На запястьях — тонкие серебряные цепочки. Не украшение. Ограничители.

Я подняла руки, и цепочки тихо звякнули.

В зале кто-то усмехнулся.

— Даже теперь изображает непонимание, — прошептала женщина слева.

— Морвейны слишком долго терпели эту дрянь, — ответил другой голос.

Я хотела сказать: «Вы ошиблись. Я не знаю, кто такая Элиана». Но губы не сразу послушались.

Перед глазами поплыло. Последнее, что я помнила, — реанимация, ребёнок с редким заболеванием крови, крик медсестры, остановка сердца на мониторе. Потом резкая боль в груди. Темнота.

А теперь — этот зал.

— Обвиняемая, — снова произнёс сухой старческий голос, — вы слышали предъявленные обвинения?

Я подняла голову.

На возвышении сидели пятеро. Старики и женщины в тёмных одеждах, с серебряными знаками на груди. Чуть ниже, отдельно от них, стоял мужчина.

И всё во мне остановилось.

Высокий. Невероятно красивый. Невозможно холодный.

Чёрные волосы, острые скулы, губы, сжатые в тонкую линию. Глаза — тёмные, почти бездонные, но в глубине их горел красный огонь.

Он смотрел на меня так, будто я была не женщиной, а болезнью, которую нужно вырезать.

И почему-то именно от его взгляда мне стало больнее всего.

Не страшнее. Больнее.

Словно это тело помнило его. Словно сердце, которое билось у меня в груди, уже когда-то разбивалось об этот взгляд.

— Я... — голос оказался хриплым. — Я не понимаю, что происходит.

По залу прокатился шёпот.
Мужчина на возвышении даже не моргнул.
— Достаточно, Элиана.
Его голос был низким. Красивым. И таким ледяным, что мне захотелось отступить.
Но отступать было некуда.
— Кто вы? — вырвалось у меня.
На этот раз зал замер.
А потом кто-то тихо рассмеялся.
— Прекрасная игра, — произнесла женщина у колонны. — Жаль, запоздалая.
Мужчина сделал шаг ко мне. Один. Второй.
С каждым шагом свечи будто вспыхивали ярче.
— Я твой муж, — сказал он. — Пока ещё.
Муж.
Я уставилась на него, пытаюсь найти в себе хоть что-то похожее на узнавание. Но внутри была только паника.
Муж? Вампирский зал? Цепи на руках? Обвинение в покушении?
Нет. Нет, этого не может быть.
— Моё имя Дамиан Морвейн, — продолжил он, не сводя с меня глаз. — Князь Алого Дома. Отец наследника, которого ты пыталась отравить.
— Я никого не травила.
Ответ вырвался резко. Слишком резко для женщины, которую, похоже, все здесь привыкли видеть сломленной.
Дамиан чуть прищурился.
— Впервые за три года ты решила защищаться?
Три года?
Я сжала пальцы, чувствуя, как цепочки впиваются в кожу.
— Я не знаю вас. Не знаю этот зал. Не знаю, почему вы называете меня Элианой. Но если речь о ребёнке...
— Не смей, — оборвал он.
В его голосе впервые прорезался не лёд, а ярость.
Тихая. Опасная.
— Не смей произносить о нём так, будто тебе есть до него дело.
У меня пересохло во рту.
И тут я увидела ребёнка.
Он стоял справа от трона, рядом с пожилой нянькой в сером платье. Маленький мальчик лет шести. Слишком худой. Слишком бледный. Серебристые волосы спадали на лоб, под глазами залегли тени. Он держался прямо, но было видно: это стоит ему сил.
Его пальцы сжимали край рукава няньки.
Но смотрел он на меня.
Не зло. Не испуганно.
Так, будто ждал.
Моё сердце пропустило удар.
Врач во мне проснулся раньше, чем испуганная женщина.
Сухие губы. Сероватая кожа. Слишком частое дыхание. Лёгкая дрожь пальцев. Плохая периферия. А ещё — странные тёмные прожилки у висков, едва заметные под кожей.
Ребёнок был болен.
Серьёзно болен.
— С ним что-то не так, — тихо сказала я.

Дамиан шагнул ко мне так быстро, что я даже не успела вздрогнуть. Он оказался совсем рядом. Слишком близко.

— Ты уже сделала достаточно, — произнёс он почти шёпотом. — Если бы не милость Совета, я бы лично бросил тебя в подземелья.

Я подняла на него глаза.

Страх всё ещё был. Но рядом с мальчиком он стал меньше.

— Если ребёнку плохо, ему нужен врач.

— Лекари Алого Дома знают своё дело.

— Тогда почему он так дышит?

Губы Дамиана дрогнули.

Мгновение — совсем короткое — в его глазах мелькнуло что-то живое. Тревога. Боль. Бессилие.

Но он тут же спрятал это за холодной маской.

— Довольно.

Старик на возвышении ударил посохом о мрамор.

— Совет выслушал обвинения, свидетельства слуг, заключение лекарей Белого Дома и прошение князя Морвейна. Элиана Морвейн признана виновной в нарушении клятвы супруги и угрозе наследнику.

Я отступила на шаг.

— Какие свидетельства? Какие лекари? Я требую...

— Ты ничего не требуешь, — тихо сказала женщина в белом.

Я только сейчас заметила её.

Она стояла рядом с Дамианом. Не слишком близко, но так, чтобы все понимали: у неё есть право быть рядом.

Белое платье, светлые волосы, тонкое лицо, почти ангельская красота. На губах мягкая улыбка. В глазах — лёд.

— Элиана, — произнесла она с такой нежностью, от которой по коже побежали мурашки, — не унижай себя. Всё уже решено.

— А вы кто? — спросила я.

Её улыбка стала шире.

— Селеста Равенор. Та, кто будет заботиться о наследнике после твоего ухода.

Наследник.

Мальчик у трона едва заметно вздрогнул.

Я увидела это. Дамиан — нет. Он смотрел на меня.

— После моего ухода? — повторила я.

Старик снова поднял посох.

— По праву крови и воле Алого Дома брак Дамиана Морвейна и Элианы Морвейн признаётся расторгнутым.

Зал наполнился шёпотом.

Я почувствовала, как серебряные цепочки на запястьях нагрелись. По коже побежали острые искры. Боль была такой внезапной, что я вскрикнула и согнулась.

Дамиан не шелохнулся.

Селеста смотрела с мягким сожалением.

— Потерпи, — сказала она. — Разрыв крови всегда неприятен для тех, кто держался за чужую силу.

Я стиснула зубы.

По венам будто пустили лёд. Тело ломило. В голове вспыхивали чужие обрывки.

Мужчина в чёрном, который когда-то касался моей щеки.

Этот же зал, только без ненависти.

Детский плач за дверью.

Мои — не мои — руки, дрожащие над чашей с тёмной жидкостью.

Шёпот: “Если я не успею, Леон умрёт”.

Леон.

Так звали мальчика.

Я подняла голову.

Ребёнок смотрел на меня широко раскрытыми глазами. По его щеке текла тонкая струйка крови из носа.

— У него кровь, — сказала я.

Никто не отреагировал.

— У ребёнка кровь! — громче повторила я.

Нянька испуганно наклонилась к мальчику, но Селеста подняла руку.

— Не приближайтесь. Это приступ. Ему нельзя волноваться.

— Так помогите ему!

— Его болезнь не твоё дело, — отрезал Дамиан.

— Он сейчас упадёт!

И в тот же миг Леон действительно пошатнулся.

Маленькое тело будто потеряло опору. Нянька вскрикнула. Дамиан рванулся к сыну, но я уже двигалась.

Не знаю, как.

Может быть, тело Элианы было быстрее моего. Может быть, страх за ребёнка оказался сильнее магических цепей. Я бросилась вперёд, упала на колени рядом с мальчиком и подхватила его до того, как он ударился о мрамор.

— Не трогай его! — взревел Дамиан.

Его рука сомкнулась на моём плече.

Боль пронзила до костей, но я не отпустила ребёнка.

— Он не дышит нормально! — крикнула я. — Отойдите!

Дамиан замер.

Наверное, никто никогда не кричал ему “отойдите”.

Леон был лёгкий. Ужасно лёгкий. Его кожа казалась холодной, но лоб горел. Губы синели. Я машинально расстегнула верхнюю пуговицу его рубашки, проверила пульс на шее.

Слишком частый.

— Открой глаза, малыш, — прошептала я. — Давай. Слышишь меня?

— Элиана, — голос Дамиана стал смертельно тихим, — если ты причинишь ему вред...

— Замолчите! — сорвалась я.

Зал ахнул.

Я не смотрела на них. Только на ребёнка.

— Мне нужен воздух. Уберите людей. И не держите его вертикально, когда у него приступ. Кто вас вообще учил?

— Что ты делаешь? — Дамиан опустился рядом, и впервые его голос дрогнул.

— Спасая вашего сына.

Я растёрла ладонями холодные пальцы Леона, приподняла его подбородок, следя, чтобы дыхательные пути были свободны. Мальчик судорожно вдохнул. Раз. Второй.

Из носа снова выступила кровь — тёмная, почти чёрная.

Плохо.

Очень плохо.

— Леон, — сказала я мягче. — Посмотри на меня. Я здесь.

Его ресницы дрогнули.

— М... ма...

Я застыла.

Он смотрел на меня.

Не на Дамиана. Не на Селесту. На меня.

— Мама, — выдохнул он чуть слышно.

Тишина стала такой плотной, что я услышала, как где-то треснула свеча.

У меня внутри что-то оборвалось.

Я не была его матерью. Я вообще не знала этого ребёнка. Ещё несколько минут назад я не знала, где нахожусь.

Но его маленькая ладонь вцепилась в мои пальцы с такой отчаянной силой, что я не смогла бы отнять руку, даже если бы захотела.

— Тише, — прошептала я. — Я рядом.

Дамиан побледнел ещё сильнее, хотя казалось, куда уж больше.

— Леон, — сказал он глухо. — Сын.

Мальчик повернул голову к отцу. В его глазах мелькнула любовь. И страх.

— Не отдавай меня им, — прошептал он.

Дамиан застыл.

— Кому?

Леон не ответил. Только снова спрятал лицо у меня на груди.

Селеста шагнула вперёд.

— Бедный мальчик бредит. Приступы и раньше вызывали у него спутанность. Надо немедленно забрать его в Белый Дом.

При этих словах Леон так сильно сжал мою руку, что ногти впились в кожу.

Я почувствовала.

Дамиан тоже увидел.

— Нет, — сказала я.

Селеста медленно повернулась ко мне.

— Что?

Я подняла ребёнка крепче, хотя руки дрожали от слабости и боли после обряда.

— Я сказала: нет. Вы его никуда не заберёте.

Несколько вампиров у стен шагнули вперёд.

Дамиан поднялся.

Сейчас он снова был князем. Холодным, страшным, огромным в своей власти.

— Отдай мне сына, Элиана.

Я тоже поднялась, прижимая к себе Леона.

— Он боится.

— Он болен.

— Одно другому не мешает.

— Ты не имеешь права.

Я рассмеялась.

Нервно. Тихо. Почти безумно.

— Права? Вы только что развелись со мной перед полным залом. Обвинили в преступлении, которого я не помню и не совершала. Сковали цепями. Провели какой-то болезненный обряд. А теперь говорите мне о праве?

Дамиан шагнул ближе.

— Это мой сын.

— Тогда почему он просит защиты у меня?
Удар попал точно.
Я увидела это по его лицу.
Всего на миг холодная маска треснула. Под ней была боль. Настоящая. Почти человеческая.
— Леон, — Дамиан протянул руку. — Иди ко мне.
Мальчик задрожал.
И прижался ко мне сильнее.
— Я пойду с мамой, — прошептал он.
Кто-то в зале ахнул.
Старик на возвышении медленно поднялся.
— Это невозможно.
— Что именно? — спросила я, чувствуя, как по спине течёт холодный пот.
Но ответил не он.
Ответила боль.
Острая, обжигающая, внезапная. Моё левое запястье вспыхнуло так, будто под кожу вонзили раскалённое железо.
Я вскрикнула.
Цепочка на руке лопнула.
Серебряные звенья рассыпались по мрамору.
На коже, там, где минуту назад был только красный след от оков, проступал знак.
Тонкие алые линии сплетались в круг, внутри которого раскрывался цветок — или капля крови с острыми лепестками.
Зал отшатнулся.
Селеста побелела.
— Нет, — выдохнула она. — Нет, этого не может быть.
Дамиан смотрел на мою руку так, словно увидел призрак.
— Что это? — спросила я.
Никто не ответил.
Только старик из Совета медленно опустился на одно колено.
За ним — второй. Третий.
Потом вампиры у стен.
Один за другим.
Холодный зал наполнился шорохом ткани и стуком коленей о мрамор.
Я стояла посреди них, прижимая к себе чужого ребёнка, в чужом теле, в чужом мире.
И не понимала ничего.
Дамиан не опустился.
Он смотрел на меня.
В его глазах впервые не было ненависти.
Только ужас.
— Метка Матери крови, — произнёс он так тихо, что я едва услышала.
Леон поднял голову с моего плеча и слабой ладошкой коснулся знака.
Алые линии вспыхнули ярче.
Мальчик улыбнулся едва заметно.
— Я же сказал, — прошептал он. — Она моя мама.
И где-то под полом, глубоко-глубоко, будто в ответ на его слова, что-то глухо ударило.
Раз.
Другой.
Словно проснулось огромное сердце.

Глава 2. Ребёнок, которого я не знаю

Мраморный пол дрогнул под ногами.

Не сильно. Едва заметно. Но в полной тишине зала этот глухой удар показался громче грома.

Раз.

Потом ещё.

Будто где-то под нами билось огромное сердце.

Я крепче прижала к себе Леона.

Мальчик был лёгким, горячим и одновременно ледяным. Его пальцы всё ещё держались за моё платье, а дыхание сбивалось, будто каждый вдох давался ему через боль.

— Что это значит? — спросила я.

Никто не ответил.

Вампиры стояли на коленях. Старики Совета, надменные женщины в драгоценностях, мужчины с холодными глазами — все склонились передо мной.

Передо мной.

Женщиной, которую минуту назад развели, унизили и практически приговорили.

Только Дамиан не опустил.

Он стоял напротив, неподвижный, как статуя из чёрного камня. Его взгляд был прикован к моему запястью, где алые линии метки пульсировали в такт тому странному удару под полом.

— Дамиан, — тихо произнесла Селеста.

Её голос впервые дрогнул.

До этого она была идеальной. Мягкой. Белой. Красивой, как отравленный цветок. А сейчас на её лице промелькнул страх.

Не удивление. Не растерянность.

Именно страх.

Я запомнила это.

— Объясните мне, что происходит, — потребовала я, хотя голос прозвучал хрипло.

Старик из Совета поднял голову. Морщинистое лицо стало серым.

— Наследник признал вас Матерью крови.

— Я не его мать.

Леон тихо всхлипнул и сильнее уткнулся в меня лицом.

Я тут же пожалела о своих словах.

Не потому, что они были неправдой. Они были правдой. Я не знала этого ребёнка. Не рожала его. Не держала на руках младенцем. Не сидела у его кровати ночами.

Но сейчас он дрожал у меня в руках так, будто от этих слов ему стало больнее.

Я опустила подбородок к его волосам и уже мягче сказала:

— Я не понимаю ваших законов. Но ребёнку плохо. Это сейчас важнее.

— Ты не имеешь права говорить о важном, — резко бросила Селеста. — После всего, что ты сделала...

— Что именно я сделала? — перебила я.

Селеста замолчала.

Её губы остались чуть приоткрытыми, будто она не ожидала вопроса.

— Мне все повторяют, что я виновна, — продолжила я, чувствуя, как злость вытесняет страх. — Но пока я слышала только обвинения. Где доказательства? Где заключения? Где записи лечения? Где история болезни мальчика?

Последние слова сорвались сами.

История болезни.

Господи, Алиса, ты правда спрашиваешь историю болезни у вампиров в зале с кровавыми свечами?

Но иначе я не умела.

Когда передо мной был ребёнок с приступом, мир сужался до симптомов, дыхания, пульса и причины.

Дамиан наконец поднял глаза от моей руки.

— История болезни? — повторил он глухо.

— Да. Симптомы. Приступы. Частота. Что ему давали. Кто лечил. После чего ему хуже.

— Ты думаешь, мы позволим тебе снова получить доступ к лекарствам наследника? —

Селеста шагнула вперёд. — Как удобно. Сначала яд, потом забота.

Леон вздрогнул.

Я почувствовала это всем телом.

— Не говорите при нём так, — сказала я.

— Что?

— Не говорите при ребёнке, что его травили. Не говорите, что он проклят. Не говорите так, будто он вещь, из-за которой вы спорите.

Селеста побледнела от ярости.

— Да как ты смеешь...

— Смею, — перебила я. — Потому что он слышит. Он всё слышит.

Леон едва заметно кивнул у меня на груди.

У Дамиана дрогнули пальцы.

Он смотрел на сына — и будто впервые видел не наследника, не кровь рода, не политическую ценность. А маленького мальчика, которому страшно.

— Леон, — сказал он тише. — Иди ко мне. Я не позволю никому причинить тебе вред.

Мальчик медленно повернул голову.

В его глазах была такая усталость, что у меня сжалось сердце.

— Ты уже позволил, папа, — прошептал он.

Тишина ударила сильнее пощёчины.

Дамиан застыл.

Селеста резко втянула воздух.

Кто-то из Совета тихо произнёс:

— Наследник не в себе. Приступ влияет на разум.

— Нет, — сказала я. — Он очень даже в себе.

Дамиан шагнул к нам.

На этот раз медленно. Осторожно. Не как князь, отдающий приказ, а как отец, боящийся спугнуть собственного ребёнка.

— Леон, кто причинил тебе боль?

Мальчик опустил глаза.

Его пальцы сжали мою ладонь.

— Там, — прошептал он. — В белой комнате.

Селеста улыбнулась. Слишком быстро.

— Он говорит о лечебной палате. Дети боятся процедур. Это естественно.

— Какие процедуры? — спросила я.

— Не ваше дело.

— Ошибаетесь. Если он назвал меня Матерью крови, кажется, теперь моё.

Я сказала это наугад.

Но по тому, как несколько вампиров опустили головы ещё ниже, поняла: попала.

Старик из Совета медленно поднялся.

— По древнему праву метка даёт вам временное покровительство над наследником.

— Временное? — холодно спросил Дамиан.

— Пока Совет не установит природу явления.

Я рассмеялась. Не весело. Совсем не весело.

— Явления? Вы называете испуганного больного ребёнка явлением?

— Мы называем явлением женщину, — старик посмотрел на меня тяжёлым взглядом, — которая после обвинения в покушении на наследника получила над ним древнейшую защитную метку.

— Может быть, стоит задуматься, почему ребёнок выбрал обвиняемую, а не тех, кто его лечил?

Старик сузил глаза.

Дамиан посмотрел на меня.

И в этом взгляде было уже не только презрение. Там появилась трещина. Маленькая, почти незаметная. Сомнение.

Селеста это тоже увидела.

— Князь, — мягко произнесла она, — вы не можете всерьёз слушать её. Она всегда умела играть на слабостях. Теперь использует Леона. Посмотрите на него. Он едва стоит. Ему нужен Белый Дом.

При словах “Белый Дом” Леон вдруг захрипел.

Сначала тихо. Потом сильнее.

Его тело выгнулось в моих руках.

— Леон!

Я опустилась на колени прямо на мрамор, укладывая его боком. Кровь снова потекла из носа, но теперь не тонкой струйкой — тёмными каплями, почти чёрными.

— Отойдите! — крикнула я.

Дамиан оказался рядом.

— Что с ним?

— Приступ усилился. Мне нужен воздух, вода и чистая ткань. Быстро!

Никто не двинулся.

Все смотрели на Дамиана.

Я взорвалась:

— Он ваш наследник или украшение трона? Воду!

Дамиан резко повернул голову.

— Выполнять.

Зал ожил.

Кто-то побежал. Кто-то распахнул высокие двери. В помещение ворвался холодный ночной воздух.

Я расстегнула ворот рубашки Леона, проверила дыхание. Неровное. Слишком поверхностное. Губы синеют. Пульс бешеный.

— Что ему давали сегодня? — спросила я, не поднимая головы.

Молчание.

— Я спрашиваю: что ему давали сегодня?

— Успокаивающий отвар, — ответила Селеста. — По назначению врачей.

— Состав.

— Вы не поймёте.

— Состав!

Мой голос отразился от стен.

Селеста сжала губы.

— Лунный корень, пепельная мята, капля серебряного настоя...

— Серебро? — Дамиан резко повернулся к ней.

Селеста дрогнула.

— В безопасной дозе. Белый Дом использует его, чтобы подавить вспышки солнечной крови.

— У него реакция, — сказала я. — Или отравление. Называйте как хотите, но ему хуже после вашего настоя.

— Это невозможно, — выдохнула Селеста.

— Вы врач?

— Я Равенор. Мой дом лечил кровь до того, как твой род научился читать.

— Прекрасно. Тогда объясните, почему ребёнок синее.

Она замолчала.

Принесли воду и ткань. Я смочила лоскут, осторожно вытерла кровь с лица Леона. Его ресницы дрожали.

— Малыш, слышишь меня? Леон?

Он не отвечал.

Метка на моём запястье жгла всё сильнее.

Сначала я думала, что это просто боль. Но теперь поняла: жжение менялось. Пульсировало. Тянулось к ребёнку, будто невидимая нить между нами становилась толще.

Я положила ладонь ему на грудь.

— Дыши, — прошептала я. — Давай, маленький. За мной. Вдох. Выдох.

— Он не сможет, — сказал кто-то из лекарей. — Когда кровь входит в тёмную фазу, наследник не слышит...

— Тихо.

— Но...

— Тихо!

Я не знала, работает ли это. Не знала, что за метка на моей руке и почему все вампиры смотрят на неё как на святыню и приговор одновременно.

Но я знала одно: ребёнок цеплялся за меня.

Значит, я должна была стать для него точкой, за которую можно удержаться.

— Леон, — сказала я мягко, почти на ухо. — Ты говорил, я пахну домом. Помнишь?

Его пальцы дрогнули.

Дамиан резко вдохнул.

— Вот так, — прошептала я. — Слышишь мой голос? Ты не в белой комнате. Ты здесь. Со мной. Тебя никто не заберёт.

Селеста шагнула вперёд.

— Не давайте ей обещать то, чего она не может...

— Ещё одно слово, — Дамиан даже не посмотрел на неё, — и вы покинете зал.

Селеста замерла.

А я впервые почувствовала, что этот страшный мужчина сейчас на моей стороне.

Не ради меня.

Ради сына.

Метка вспыхнула ярче. Алые линии с моего запястья будто потянулись по пальцам тонким светом. Леон судорожно вдохнул. Потом ещё раз.

Чёрные прожилки у его висков начали бледнеть.

— Получается, — выдохнула я. — Получается, малыш. Дыши.

Его глаза приоткрылись.

— Мама?..

Слово ударило в сердце.

Я сглотнула.

— Я здесь.

— Не отдавай.

— Не отдам.

Я сказала это раньше, чем успела подумать.

Но когда произнесла — поняла, что не лгу.

Может быть, я не знала этого ребёнка. Может быть, в этом мире он был для меня чужим. Но его маленькая рука держала меня так, как дети держатся за единственный шанс.

А я всю жизнь была врачом.

Я не умела бросать тех, кто ещё дышит.

Дамиан медленно поднялся.

— Лекарей Белого Дома отстранить от наследника.

Селеста побелела.

— Князь!

— Немедленно.

— Вы не можете! Мой дом...

— Ваш дом давал моему сыну серебро.

— В лечебной дозе!

— Он едва не умер у меня на глазах.

— Из-за неё! — Селеста указала на меня. — Приступ начался после метки! Она влияет на него!

Я подняла голову.

— Приступ начался после слов о Белом Доме.

Селеста посмотрела на меня так, что маска нежности наконец дала трещину.

В её глазах вспыхнула ненависть.

Быстрая. Острая. Настоящая.

Но через мгновение она снова опустила ресницы.

— Я понимаю ваше отчаяние, князь, — тихо сказала она Дамиану. — Вы отец. Вам больно. Но если вы доверите наследника женщине, обвинённой в покушении...

— Женщине с меткой Матери крови, — перебил старик из Совета.

Селеста замолчала.

Старик смотрел на меня долго и тяжело.

— Древнее право ясно. Пока метка активна, наследник не может быть насильно отделён от избранной защитницы без кровного суда.

Дамиан резко повернулся к нему.

— То есть мой сын остаётся с ней?

— Временно.

— Она обвиняется в покушении на него.

— А он только что выбрал её перед Советом. И метка ответила.

Дамиан сжал кулаки.

Я видела, как ему трудно. Он был человеком — нет, вампиром — привыкшим владеть ситуацией. Приказывать. Решать. Забрать сына, наказать виновных, закрыть проблему.

А теперь древний закон ставил между ним и ребёнком меня.

Женщину, которую он ненавидел.

— Нет, — произнёс он.

Слово было тихим, но от него похолодел воздух.

Старик напрягся.

— Князь Морвейн...

— Я не оставляю сына с обвиняемой.

Я осторожно поднялась, держа Леона на руках. Он обмяк, но дышал ровнее.

— Тогда оставайтесь рядом, — сказала я.

Дамиан посмотрел на меня.

— Что?

— Вы боитесь оставить его со мной. Я не доверяю вам. Леон боится Белого Дома. Значит, до утра все остаются здесь или в соседних покоях. Без Селесты. Без её лекарей. Без серебряных настоев.

Селеста тихо ахнула.

— Да кто ты такая, чтобы ставить условия князю?

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Женщина, на руках которой его сын начал дышать.

Зал снова замер.

Дамиан молчал.

Потом медленно сказал:

— Ты очень изменилась, Элиана.

Эти слова прозвучали не как комплимент. Как угроза.

Я устала. До дрожи. До темноты перед глазами. Но всё равно выдержала его взгляд.

— Возможно, вы никогда меня не знали.

Что-то мелькнуло в его лице.

— Я знал достаточно.

— Нет, — прошептал Леон.

Мы оба посмотрели на него.

Мальчик открыл глаза. Слабые, мутные от приступа, но осознанные.

— Она... не такая.

Дамиан медленно опустился перед ним на одно колено.

— Какая?

Леон долго молчал. Потом прошептал:

— Раньше она плакала, когда думала, что никто не видит.

У меня холод прошёл по спине.

Раньше?

Он говорил о прежней Элиане.

— Она давала мне горькое, — продолжил мальчик, едва шевеля губами. — А потом сидела у двери. Всю ночь. Но утром тётя Селеста говорила, что это яд.

Селеста побледнела до белизны платья.

Дамиан медленно повернул голову.

— Что?

— Он бредит, — быстро сказала она. — Князь, вы же видите...

— Молчать.

Одно слово.

И Селеста замерла так, будто ей приставили нож к горлу.

Дамиан снова посмотрел на сына.

— Леон, кто говорил, что лекарство Элианы — яд?

Мальчик зажмурился.

— Белые.

— Кто именно?

— Не знаю. Они пахли холодом.

Я прижала его крепче.

— Ему нужно отдыхать. Никаких допросов сейчас.

Дамиан поднял на меня взгляд.

На этот раз в нём не было ни ярости, ни презрения.

Только страшное, медленно растущее понимание.

Ему дали первую трещину в его уверенности.
И он не знал, что с ней делать.
Старик из Совета ударил посохом о пол.
— До рассвета наследник остаётся под защитой Матери крови. Князь Морвейн имеет право находиться рядом. Лекари Белого Дома отстраняются до проверки состава настоев.
— Это безумие, — прошептала Селеста.
Я услышала.
Дамиан тоже.
— Нет, леди Равенор, — сказал он холодно. — Безумием было не спросить раньше, почему мой сын боится тех, кто его лечит.
Селеста отступила на шаг.
Её лицо снова стало мягким, почти скорбным.
— Я всегда желала Леону только добра.
Мальчик вздрогнул у меня на руках.
Я посмотрела на неё и тихо сказала:
— Тогда почему он боится вашего голоса?
Улыбка Селесты умерла.
Всего на секунду. Но я увидела.
И поняла: эта женщина враг.
Не капризная соперница. Не обиженная невеста.
Враг.
Дамиан протянул руки.
— Дай мне его. Я отнесу Леона в покои.
Я отступила на полшага.
Он остановился.
В его глазах вспыхнула боль.
— Я его отец.
— А я пока не знаю, кому можно доверять.
— Ты не доверяешь мне?
Я посмотрела на зал. На разбитые цепи у моих ног. На свечи. На Совет. На женщину в белом. На мужчину, который недавно готов был бросить меня в подземелья.
— После сегодняшнего? Нет.
Дамиан принял удар молча.
Потом кивнул.
— Тогда я пойду рядом.
Это было не просьбой. Но уже и не приказом.
Я согласилась коротким кивком.
Когда мы двинулись к выходу, вампиры расступались перед нами. Некоторые всё ещё стояли на коленях. Некоторые смотрели с ужасом. Некоторые — с ненавистью.
Леон дремал у меня на руках, уткнувшись лицом в моё плечо.
Перед самыми дверями он вдруг шевельнулся.
— Мама...
Я наклонилась.
— Что, малыш?
Его губы едва коснулись моего уха.
— Не пей то, что дадут в красной чашке.
Я застыла.
— Почему?
Леон открыл глаза.

В них больше не было сонной слабости.
Только страх.
— Так умерла первая мама.

Глава 3. Милость князя

— Так умерла первая мама.

Я остановилась на пороге так резко, что Дамиан едва не столкнулся со мной.

Леон лежал у меня на руках, тяжёлый от слабости и жара, но его глаза были открыты.

Огромные, тёмные, слишком взрослые для шестилетнего ребёнка.

— Что ты сказал? — тихо спросила я.

Мальчик тут же зажмурился.

Будто пожалел.

Будто понял, что сказал лишнее.

— Леон? — Я прижала его крепче. — Кто умер от красной чашки?

Дамиан оказался рядом мгновенно.

— О чём он го

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.